

Тан Сяоу был удивлён:

— Но ведь метод меча, рубящего море, изначально имеет только девять приёмов! Мама говорила, что ты ещё мал, боялась, что не поймёшь, поэтому учила тебя восьмидесяти одному приёму, выведенному предками. Когда тебе исполнится двадцать пять и искусство меча достигнет совершенства, тогда передаст тебе секретный манускрипт. Разве из этого можно вывести десятый приём? Я не слышал. Неужели, А Фэн, ты и вправду гений в искусстве меча?

— Я покажу тебе, посмотри на мои приёмы меча, такие же, как в манускрипте, или нет!

Тан Сяоу почесал нос:

— Я ещё не открывал тот манускрипт, эта дурацкая книга всё ещё пылится в кабинете, когда-нибудь вернёшься — сам посмотришь.

Бай Иньфэн стал серьёзным:

— А У, ты же не скажешь мне, что все эти годы совсем не тренировал боевые искусства?

Тан Сяоу стало ещё неловче:

— Время от времени тренировался, моё искусство лёгкого шага стало выше, чем раньше.

— Да я же тебя знаю! Ты что, только искусство лёгкого шага и тренировал?

— Слишком многому нужно учиться, я ещё молод, не тороплюсь.

Слова Тан Сяоу звучали нагло, но на самом деле он сам считал их искренними. Он носитель родословной Долины Вечной Жизни, может жить сколько захочет. Предки как раз полагались на это, отчаянно шли на смерть, поэтому в Долине Вечной Жизни потомков мало, народ поредел.

А он другой. Страдания от плотских желаний он может вынести. Все эти годы он помнил, как мать перед смертью схватила его за руку и сказала:

— Сяоу, когда в будущем встретишь любимую девушку, обязательно хорошо к ней относись, не покидай Долину Вечной Жизни, не заставляй её сердце разбиться.

Он уже решил: когда отомстит, найдёт свою любимую, будет жить с ней в Долине Вечной Жизни и больше никогда не выйдет.

Раз уж в будущем не собирается покидать долину, Тан Сяоу, естественно, не видел необходимости усердно тренировать боевые искусства. Хотя найти врага и отомстить за отца — один из его планов, но стоит лишь узнать, кто враг, слегка применить хитрость, и, пожалуй, победа окажется в руках.

Тогда человек в чёрном и Чусюэ обменялись всего несколькими фразами и уже собирались выйти. Он был ещё мал, в панике и смятении ушёл первым. Позже, когда вернулся с Бай Иньфэном, все следы уже исчезли, расследовать было нечего. Если бы знал, что тот будет так осторожен, а Бай Иньфэн увлечётся поисками еды и не вернётся сразу, тогда стоило остаться и проследить за ним, выяснить его истинную личность.

Ладно, в конце концов, он ещё не нашёл «любимую девушку», пока не время возвращаться в долину и жить отшельником.

Да и, возможно, у него не будет никакой «любимой девушки». Тан Фэнъянь предавался наслаждениям в море цветов и в итоге был погублен женщиной, лежавшей с ним на одной подушке, что заставило Тан Сяоу держаться от женщин подальше с почтением.

Тан Сяоу, вспоминая прошлое, немного отвлёкся.

Услышав, что все эти годы он не тренировался в боевых искусствах, Бай Иньфэн не стал его ругать, лишь слегка разочаровался:

— Жаль, хотел с тобой вместе пойти на геройское собрание в усадьбе Цзяньсянь, но если ты не тренировался, тогда нам нельзя идти!

— Ты хочешь пойти на геройское собрание? — Тан Сяоу очнулся.

— Когда это дело закончится, а идти пока некуда, почему бы не пойти на такое зрелище.

— Если хочешь пойти, я могу составить тебе компанию.

— Если ты не будешь участвовать, мне тоже не хочется. На самом деле, не пойти — не проблема. Говорю, не боясь насмешек: после того как я хорошо освоил методы меча, кроме нескольких мелких воров, в основном ни с кем не сталкивался, даже не знаю, каковы мои боевые искусства. Если бы на этом геройском собрании приобрёл известность, в будущем было бы легче устроиться стражником в чей-то дом или сопровождать грузы в конторе по перевозке ценностей.

— Какие мелкие воры?

Бай Иньфэн припомнил:

— Однажды, путешествуя ночью, встретил мелкого развратника, вроде бы по прозвищу Ночной Мотылек-Искуситель, который пробирался в один дом для грязных дел. Его боевые искусства были посредственными, но дурманящий дым довольно силён, я чуть не проиграл ему.

Тан Сяоу изумился:

— Многие первоклассные мастера мира рек и озёр не могли с ним справиться, и он правда пал от твоей руки?

— Должно быть, так. Та девушка слишком испугалась, я не решился задерживаться, боялся напугать её ещё больше. После убийства я, как и раньше, выбросил тело в реку. Потом его выловили, позже я услышал, как люди обсуждают, подслушал, что, возможно, это был он.

Бай Иньфэн не был тем, кто никогда не убивал, расправа над Чусюэ была спланирована Тан Сяоу, а исполнил он. Убивать людей, совершивших тяжкие преступления, для него не было психологическим давлением.

— Не думал, что он действительно погиб от твоей руки. И вправду, расстанешься на три дня — и смотри другими глазами!

Бай Иньфэн рассмеялся:

— В будущем я буду тебя защищать, можешь быть спокоен!

— Хорошо, как брат, заранее благодарю. Кстати, есть кое-что, чего я не совсем понимаю:

раньше мы не могли защитить себя, поэтому, уничтожая злодеев, не афишировали, теперь же твои боевые искусства достигли совершенства, почему ты всё ещё делаешь добрые дела, не оставляя имени?

Бай Иньфэн несколько тяжело произнёс:

— Той девушке было слишком тяжело, лучше не появляться перед ней, пусть поскорее забудет об этом.

— Я не против, но почему ты не взял голову, чтобы обменять на награду в ямыне?

— Что? Была награда? — Бай Иньфэн был потрясён.

— Конечно, была. У таких злодеев, зарегистрированных в ямынях повсюду, награда не менее тысячи лянов, — Тан Сяоу посмотрел на него с сочувствием. — Этой суммы хватило бы тебе на более двадцати сопровождений грузов.

— Потери! — Бай Иньфэн остолбенел, спустя мгновение вдруг встал. — Так о какой еде речь? Быстрее, ловить воров и получать награды!

— Ты думаешь, эти ребята носят слово «злодей» на лбу? В ночном путешествии встретить одного — это уже большая удача.

Бай Иньфэн подумал, что это верно, и с досадой сел обратно.

— А другие?

— Ещё была группа разбойников, встреченная по дороге в столицу, жестокие очень, убили нескольких наших братьев, пришлось мне применить тяжёлую руку, остальные разбежались.

Тан Сяоу кивнул.

У таких, как Бай Иньфэн, всегда живших в усадьбах знатных семей, нелюбимых младших сыновей, не было ни друзей, ни родственников для общения, слуги и простолюдины держались от них подальше, возможностей проявить себя было действительно мало. Если бы, вернувшись домой на этот раз, он спокойно женился на дочери местного богатея и больше не выходил, возможно, в этой жизни у него больше не было бы шанса проявить себя.

Так что факты доказывают: усердно тренировать боевые искусства на самом деле бесполезно.

— А откуда ты узнал новости о геройском собрании? — рассеянно спросил Тан Сяоу.

— От одного торговца женьшенем по имени Цзяо Бо. Кстати, — Бай Иньфэн огляделся и понизил голос, — он вообще-то знает о Долине Вечной Жизни и спросил, есть ли у меня пилюля великого бессмертного. У меня информации меньше, чем у него, с чего это он вообще подумал, что я знаю? Я все эти годы ни разу не упоминал эти три слова!

— Возможно, ему очень нужно, поэтому он спрашивает у каждого встречного.

— Возможно. Он сказал, что это его матери нужно, человек тоже чистый и почтительный. Только у нас в долине разве есть такая вещь? Говорят, может воскрешать мёртвых, если бы она действительно была, крёстная не умерла бы от болезни.

Тан Сяоу на мгновение опешил, не ожидал, что Бай Иньфэн до сих пор уверен, что Долина

Вечной Жизни — это просто долина с названием Вечная Жизнь. Впрочем, нечего винить Бай Иньфэна, до того как мать перед смертью поговорила с ним наедине, он и сам думал так же, считая, что отношение Долины Вечной Жизни к вечной жизни такое же, как у пирожка «жена» к жене, у рыбы в ароматном соусе к рыбе, у лёгких мужа и жены к мужу и жене.

Он ещё не решил, говорить ли об этом Бай Иньфэну, но знает он об этом или нет, похоже, на Бай Иньфэна это не повлияет, иногда чем больше знаешь, тем больше давление, честно говоря, он до сих пор не может до конца принять это.

Он посмотрел на Бай Иньфэна:

— Эту пилюлю великого бессмертного я тоже не видел.

— Я думал, ты брал лекарства из долины для пилюль. Но рецепты пилюль в долине позволяют изготавливать только обычные пилюли, ничего такого чудесного.

— Верно. Сейчас я каждый месяц регулярно поставляю в храм Саньшань партию пилюль восполнения ци и укрепления основы, эти пилюли — просто средство от бессонницы, — объяснил Тан Сяоу. — Люди в столице много думают и беспокоятся, эти пилюли довольно популярны, так что сейчас у меня нет недостатка в деньгах.

Он сделал паузу и добавил:

— А Фэн, скоро Новый год.

— Ещё рано, сейчас даже зима не наступила! Если бы действительно скоро был Новый год, люди семьи Бай уже мёрзли бы и кричали, что хотят бежать обратно.

— У меня немало денег, и скоро Новый год, понимаешь? Стоит тебе только сказать «с Новым годом, братец Сяоу», и я прямо сейчас восполню тебе денежные подарки за восемь лет.

— Да иди ты! Настоящий мужчина не склоняется перед пятью доу риса! — Бай Иньфэн раздражённо бросил. — Я ещё думаю о делах, не мешай.

— Ц-ц-ц, принципиальный! И три тысячи лянов серебра не нужны.

<http://bllate.org/book/15610/1393495>